

«Из рожденного кулебякой торта не получится»,

— говорит о себе Николай ГЕЙКО

Недавно Российское телевидение показало фильм молодого режиссера Николая Гейко «Мemento мори». Это грустная история о подростках из южного железнодорожного поселка, затеявших лихие игры на крышах проходящих товарняков. Один из хлопчиков неудачно прыгнул и разбился. Остальные скрыли от взрослых гибель своего товарища и сами похоронили его, как умели...

— Я провел детство на Одессчине, в станции Помашная. Там особый воздух, он пахнет шпалами и мазутом. Я нигде не мог снимать этот фильм, кроме как в Помашной. Это про меня, про моих товарищей и про тех 12—15-летних, кто сейчас гонится за поездами вокруг Помашной.

...Когда я смотрела «Мemento мори», мне нестало вспомнилось начало одного рассказа Гейко, присланного на отборочный конкурс Высших режиссерских курсов: «Как только я родился, я сразу умер. И дед пошел делать мне маленький гробик». Далее с новорожденным Миколой Гейко происходило следующее: пришла повитуха, увидела испутившего дух ребенка и отправила мать в сарай молиться там всю ночь на образа. Гейко не помнит, что именно повитуха делала с ним всю ночь, но знает, что на рассвете из хаты раздался детский крик.

— Гробик остался невостребованным, но после воскресения один глаз у меня почему-то «поехал» и начал косить. И косит до сих пор, всю жизнь я вижу в косую линейку.

В косую так в косую. Если видишь жизнь в клеточку, то со всех сторон будет клеточка. А косые линейки с одной стороны идут слева направо, а чуть повернешь — все наоборот: линейки идут справа налево. Вот так устроен и фильм «Мemento мори». Смотришь это кино и видишь, как же режиссер не щадит своих юных героев — посмотрите, какие они жестокие, бессердечные, непоседливые, грубые. А с другой стороны посмотрись — как же он, режиссер, бесконечно их любит — непосредственных, открытых, способных на глубокое, недоступные взрослым сопереживания, и какие они ранимые и незащищенные. И всю эту противоречивую гамму переживаний создают не профессиональные актеры, а пацаны, набранные Гейко из Одессы, Москвы, Помашной...

— Тот период жизни, который называют отрочеством, бил меня обухом по ребрам и печенкам. Я навсегда усвоил, как тяжело человеку пребывать в

этом возрасте. В 15 лет я поступил в театральное училище в Днепрпетровске. На приемном экзамене я выводел своим тонким думатационным голосом песню «Там вдали, за рекой», и меня приняли на отделение актеров-кукольников, решив, что за ширмой не видно, у кого что косит. От меня требовали, чтобы я со всеми здоровался, получал хорошие отметки, ходил чинно и благородно. Но я сразу понял, что если будешь все это соблюдать, актером не станешь. Пай-мальчик — это зажатый мальчик, а актер — существо раскрепощенное. Я переиграл всех гномиков, волков и зайцев и в один прекрасный день понял, что это — тоже мир в клеточку, скучный для меня, как и для моих зрителей-детшек...

Тут Гейко открыл для себя очень важную вещь: он не может и не хочет участвовать в играх взрослых, направленных на возбуждение детского интереса. Ибо нет никакого интереса ни в иррациональных историях, ни в похождениях зайцев и хрюшек, ни в жалостливых всхлипах о несчастных золушках с бантиками. Ребенок жаждет мужественного к себе отношения и хочет знать о себе все.

Впрочем, свою неудовлетворенность кукольным миром Николай Гейко объясняет по-своему, сохраняя свое уважительное к нему отношение:

— Когда я пошел в школу, мама заставила переступить меня го место, где была зарыта моя пуповина. По поверьям наших хуторян, это делается для того, чтобы человеку всю жизнь сопутствовала удача. Удача мне пока не во всем улыбается, но перешигивание пуповины навсегда связало меня с землей, в которой пуповина зарыта. А земля-то крестьянская, уваженная, потом политая. И теперь из меня никогда не получится интеллигент, я на всю жизнь останусь украинским крестьянином. Из рожденного кулебякой торта не получится. Я поставил множество кукольных спектаклей, бил даже главным режис-

сером кукольного театра на Урале. Не скажу, что мне это не нравилось, но театр кукол — это философский вид искусства. Моя крестьянская эмоциональность, склонность к конкретике, к бытовому реализму, боязнь всякой абстракции не поддавались трансформации. Я стремился строить философские конструкции в своих спектаклях, но это плохо мне удавалось. И однажды я понял, что мне нужно работать в предельно конкретной области творчества — в кино.

Самое интересное, что первые свои фильмы-короткометражки («Кто-то посмотрел плот», «Школа для слепых») украинский крестьянин Микола Гейко создал именно как философские притчи, пытаясь разглядеть ценности в нашей кипучей жизненной конкретике. Глубоко философична и картина «Мemento мори» — этот нестандартно серьезный подростковый фильм, в котором тема смерти неожиданно — зримо и конкретно — вторгается в беспечный, наивный мир детства.

Нет, зря пытается убеждать Николай Гейко от философии в конкретику. В конкретной подлинности киноязыка как раз и начинается для него философическая деятельность. В полном соответствии с текстом, из которого выпечена его кулебяка.

...Когда Ролан Быков принял в свою мастерскую детского и юношеского кино на Высших режиссерских курсах Николая Гейко, он еще не подозревал, что готовит путевку в жизнь не просто оригиналу с его видением жизни «в косую линейку», а перспективного мастера подросткового кинематографа.

...А может быть, самое важное в жизни (и особенно в искусстве) — не стремиться стать тортом, а понять, на какой закваске замешана твоя, именно твоя кулебяка?

Анна ФУРТИЧЕВА.

На снимке: Николай Гейко на съемках фильма «Мemento мори».